50 лет СССР

Литературная страница

ДРУЖБЕ КРЕПНУТЬ

СКОРО делегация хакасских писателей побывает на Украине, в Запорожье, где пройдут дни хакасской литературы.

В связи с этим уместно вспомнить о дружеских связях Украины и Хакасии. Известно, что в Хакасии живет немало украинцев. Среди них много заслуженных людей, комбайнеров, животноводов, инженеров, врачей, учителей и т. д. И мы воздаем хвалу этим людям.

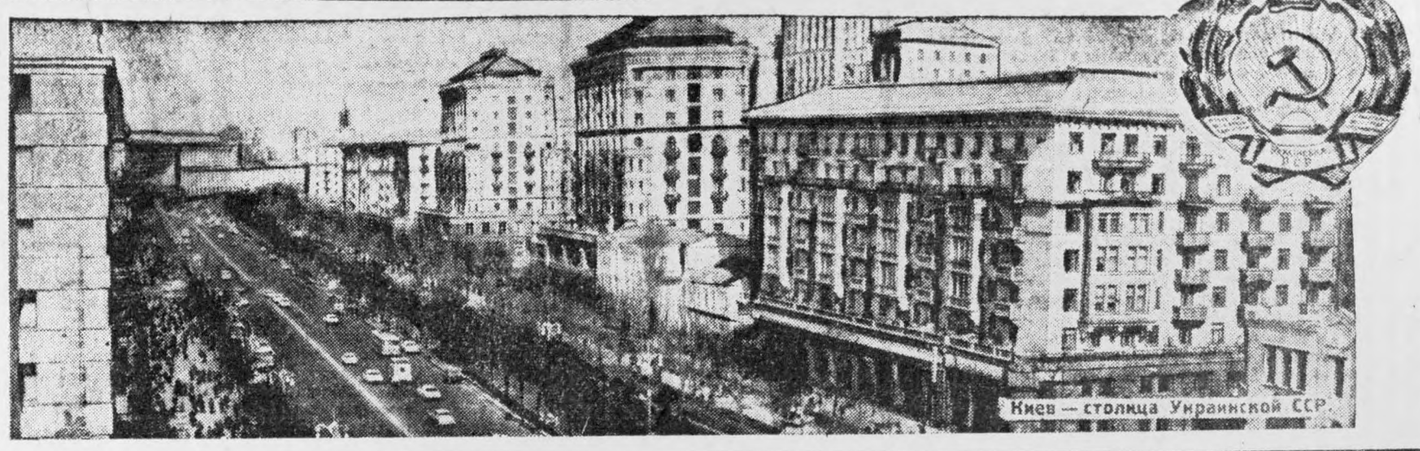
Братское единство и сплоченность наших народов особенно ярко проявились во время Великой Отечественной войны. Достаточно вспомнить ратные дела Пирятинской дивизии, сформированной в Хакасии, освобождавшей Украину от врагов. Из 28 Героев Советского Союза — наших земляков несколько человек получили это звание за подвиги на украинской земле. Это Д. Потылицын, М. Доможаков, М. Чебодаев, П. Прокопчук. М. Доможаков из Капчалинского совхоза, кавалер орденов Славы, освобождал Севастополь. Кавалер орденов Славы Жульмин также освобождал села и города Украины. В Запорожье живет Герой Советского Союза П. Рубанов, бывший житель Черногорска. Немало было на Украине и партизан из Хакасии. Не случайно Хакасия оказалась в числе тех областей, которые удостоились медалей «За освобождение Украины».

Узы дружбы, сотрудничества связывают писателей Хакасии и Украины. На хакасском языке звучат стихи Тараса Шевченко, Ивана Франко, Леси Украинки, Павло Тычины и многих других поэтов. Много стихов об Украине написано нашими поэтами. Ставились пьесы украинских авторов на сцене нашего театра. Пьеса М. Кильчичакова ставилась в некоторых украинских театрах. Ведутся переговоры в отношении издания на украинском языке романа Н. Доможакова «В далеком аале».

Сейчас все страна готовится торжественно отметить знаменательную дату в жизни советского народа — 50-летие образования СССР. И наши встречи на украинской земле явятся одним конкретным примером великой дружбы наших народов, взаимообогащения национальных культур, ярким примером торжества ленинской национальной политики.

Мы предлагаем читателю ряд произведений украинских писателей, переведенных на русский язык Олесем Греком, старшим диспетчером строительства Саяно-Шушенской ГЭС, и стихи хакасских поэтов, участников дней хакасской литературы на Украине.

П. ТРОЯКОВ,
ответственный секретарь Хакасской писательской организации.


Киев — столица Украинской ССР.

Сказ о Запорожье

ЗАПОРОЖЬЕ!..

История здесь так переплела настоящее с прошлым, что понадобились бы тома, чтобы поведать все о земле запорожской. И лишь 700-летний дуб, который еще сегодня шумит своими древними ветвями, может отличить легенду от были. Когда по землям Северного Причерноморья бурей проносилась конница хана Батыя, дуб был еще совсем юным. Он только набирался сил от матери-земли. А когда на Хортице появилась запорожцы, не боявшиеся ни татарской стрелы, ни турецкого ятагана, дуб уже шумел своей могучей кроной, укрывая под ветвями уставших от походов казаков.

Рассказывают, что под дубом останавливался со своим войском утолить жажду из родника гетман Богдан Хмельницкий, когда в 1648 году шел из Сечи на речку Желтые Воды, где он одержал первую блестящую победу над польско-шляхетским войском.

По земле запорожской ходили народные герои Иван Сирко, Петро Сабайочный, полки Червоного казачества, Иерэнима Уборевича, Михаила Фрунзе. Они освобождали, охраняли народ украинский от врагов всех мастей. И когда в 1919 году, окруженные бойцами прославленной 45-й дивизии, которой командовал Иона Якир, махновцы, удирая из города, вздумали спилить дуб, потому что им не хватало топлива для бронепоезда, красноармейцы мужественно защищали свидетеля многих веков.

Кто знает, не под этим ли дубом вольные запорожцы писали знаменитое письмо турецкому султану.

ЗАПОРОЖЬЕ!..

Оно неотделимо от Днепра, как Саяны от Енисея. Днепр поукрыл себя неувядаемой славой, взрастил гордых орлов запорожцев. «...Сечь! Вот то гнездо, откуда вылетают все те гордые и крепкие, как львы. Вот откуда разливается воля и казачество на всю Украину!» — восклицал Н. В. Гоголь.

Хортица — самый большой на Днепре остров, а их до сооружения каскада гидростанций было более 200.

Запорожью недавно исполнилось 200 лет. В нем ныне насчитывается почти 670 тысяч жителей.

Город начинается с площади имени Ленина. Тут в 1929 — 1932 годах рождался в буднях великой стройки социалистический город Большое Запорожье. Кто из нас сегодня, будь мы из Красноярья, Белоруссии или Дальнего Востока, не гордится Днепрогэсом? На различные проекты покорения Днепра до революции было израсходовано 90 пудов бумаги, но всех их, как и проекты покорения Волхова, Волги, постиг один удел: пыльные архивные полки.

И только в январе 1921 года в Москве была создана организация «Днепрострой», которую возглавил талантливый советский инженер И. Г. Александров. Кстати, он был и автором первой схемы энергетического использования Ангары и Енисея.

К строительству на Днепре было приковано внимание всего мира. Буржуазные газеты предрекали провал «большевистской затеи». Люди труда, затаив дыхание, следили за сообщениями печати, каждую победу днепростроевцев считали своей... И 16 апреля 1932 года заработала первая турбина гидростанции имени В. И. Ленина. В то время это была самая мощная гидроэлектростанция в Европе. Ныне в машинном зале станции работает 9 турбин общей мощностью 650,6 тысячи киловатт. И пусть одна наша турбина Саяно-Шушенской ГЭС, будет почти такой мощности, как весь Днепрогэс, все же каждый из нас должен помнить, что все мы вышли именно из Днепрогэса, из великого ленинского плана ГОЭЛРО.

Вскоре мощность Днепрогэса будет увеличена. На берегах Днепра развернулось сооружение второй очереди гидроэлектростанции — «Днепрогэс-2».

С Днепром нас, сибиряков, роднит и Запорожский ордена Трудового Красного Знамени трансформаторный завод. В настоящее время он является одним из самых крупных в мире по выпуску мощных трехфазных силовых трансформаторов и автотрансформаторов. Здесь были изготовлены трансформаторы и для Красноярской ГЭС и будут изготавливаться для Саяно-Шушенской гидроэлектростанции.

Славу Запорожью приносит и ордена Трудового Красного Знамени автомобильный завод «Коммунар», выпускающий ежесуточно более 300 микролитражек. Этих машин много теперь и у тружеников Хакасии.

Центром Заводского района Запорожья является жемчужина черной металлургии Юга — металлургический орденов Ленина и ордена Октябрьской Революции завод «Запорожсталь». Этот завод рос вместе с Днепрогэсом, и его на протяжении 10 лет ежегодно посещал нарком тяжелой промышленности Г. К. Орджоникидзе, чьим именем теперь и назван «Запорожсталь». Сейчас пять его домен дают чугуна больше, чем вся дореволюционная Россия. 12 мартеновских печей выплавляют высокосортную сталь.

Неподалеку от огненной «Запорожстали» находится электрометаллургический ордена Трудового Красного Знамени завод «Днепроспецсталь» имени А. К. Кузьмина, а в 1956 году первый запорожский титан выдал Запорожский ордена Ленина и Трудового Красного Знамени титано-магниевый комбинат.

ЗАПОРОЖЬЕ!..

Здесь каждый камень — история. В нем геройка веков минувших и известные всему миру дела современников воспитывают у человека патриотизм, священную и бескорыстную любовь к нашей советской земле.

Писателей Хакасии, которые приглашены в Запорожье на дни хакасской литературы на Украине, ждут интересные встречи.

ОЛЕСЬ ГРЕК.
пос. Майна.

Михаил КИЛЬЧИЧАКОВ

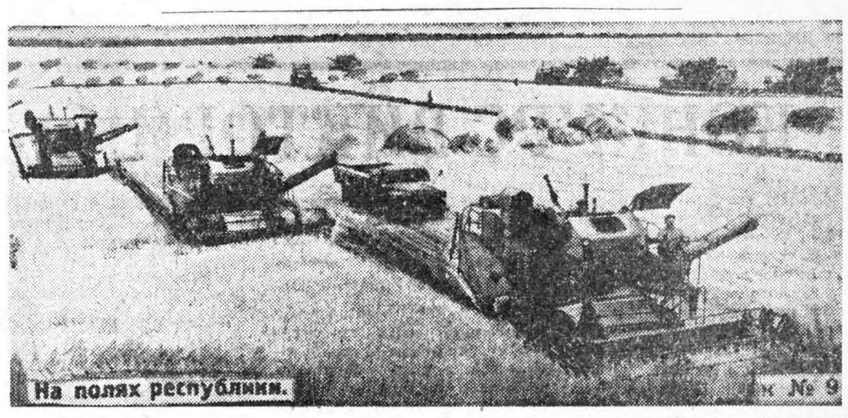
Моя Хакасия

ХАКАСИЯ, край мой! Родные просторы,
Вы мне улыбаетесь морем огней.
Широкие степи, высокие горы
Навеки в душе сохранятся моей.
Мне слышится песня девчат круглолицых
На тучных полях, где работа кипит.
Та звонкая песня — их вольная птица —
Шахтеров в глубоком забое бодрит.
И где бы я ни был, я в думах с тобою,
Родная Хакасия — солнечный край!
Ты вышедших к знанью дорогой прямою
Детей своих с Ленинских гор ожидай!
И рада столица — Москва дорогая,
Привет через дали тебе она шлет,
Как мать за ребенком своим наблюдая,
Когда он впервые на землю встает.
И рада столица тебе, возрожденной,
Хакасия — младшая из дочерей.
Красуйся, расти, ты мой край обновленный,
Согретый заботой Отчизны моей!

Николай ДОМОЖАКОВ

УГОЛОК

ВОТ ЗДЕСЬ, где Уйбат коромыслом согнут,
Где холм крутой, словно круп коня,
Где травы степи не в июле сохнут,
Мать родила в дымной юрте меня.
Вот здесь и жизнь началась моя,
Здесь и ослеп от болезни я.
Здесь с Василенковым Ваней сидели
У Красного яра, в травах густых,
Как два жаворонка, мы песни пели
Ушедшему солнцу из глаз моих.
Здесь Ваня всюду со мной ходил,
Слепого меня, как брата, водил.
Однажды мы, собирая коренья
Сараны, в степь ушли далеко.
Вдруг туча нахлынула черной тенью
И градом нас била до синяков.
До нитки промокли. Я замерзал.
Знобило. Зуб на зуб не попадал,
И Ваня в те ледяные минуты,
Хоть сам дрожал и весь посинел,
Прижал к себе и, в шабур свой закутав,
Горячим сердцем меня отогрел.
О, братская дружба! С тех давних пор
В моей груди — его сердца костер.


На полях республики. № 9

Донецк, шахта № 5 бис „Трудовская". Рекордсмены мира (на переднем плане) — машинист комбайна И. Задорожный, рабочий очистного забоя Н. Старченко, депутат Верховного Совета СССР бригадир И. Стрельченко и рабочий очистного забоя И. Внуков.

МИКОЛА НАГНИБЕДА

В день рождения

Я СЕГОДНЯ с моей Украиной
Обнимать всей душою готов
И Урала седые вершины,
И шатры белорусских лесов.
Я сегодня к груди прижимаю
Символ славы — Малахов курган,
Днепрогэс — юность нашего края
И своих земляков-харьковчан.
Я хочу, чтобы дети и внуки
Поднимались на нашем крыле.
И учились высокой науке
Коммунистами быть на земле.
И еще я хочу в эту дату
Облететь боевые фронты,
Чтобы каждому брату-солдату
Положить на могилу цветы.
Я хотел бы, чтоб все коммунисты
У меня побывали в гостях,
Я целую высокий и чистый
Нашей Родины ленинский стяг.

Платон ВОРОНЬКО

ОКТЯБРЬ

Чтоб расширить мира тесный круг,
Нас повел он сквозь грома и тучи
в океан веков, седой, кипучий:
время распахал он, словно плуг,
наш Октябрь.
А, значит, сеять будем, пашню Октября от бурь храня!
Он, как Прометей, пришел — чтоб людям
стать людьми в лучах его огня

НАШ ВЕК

ПУСТЬ он тревожен,
пусть жесток, —
люблю наш век, все это зная!
Ведь лишь ему смотрю в глаза я
и пью его червоный сок.

Евгений ГУЦАЛО

ЛУННАЯ ДОРОГА

(НОВЕЛЛА)*

ТОНКИЙ луч коснулся подсиненного окна, и на стекле будто накипала дробь золотого сияния. Я спал, но этот луч постучал в мои глаза, постучал в мою душу, и теперь разбуженные глаза пристально присматриваются к той узенькой лужице, какой стало оконное стекло, а душа все больше наполнялась уверенностью, что она тоже постепенно золотится, зацветая желтоватым подсолнухом.

Спят в комнате предметы. Что снится дубовому плечистому шкафу? Возможно, то, как был когда-то деревом, и в его теле еще до сих пор звучит шорох тугого листа, живет память об удоде, что дудел на его ветках, живет память о старом лесе, где потягивает муравейником и трухлявым опалым хворостом. На этажерке выглядывают корешки книг — как чувствует капитан Немо и Дерсу Узала, успокоились хотя бы на миг компрачикосы, алхимики Писарро, мушкетеры?.. Сплетенный из ивовых стеблей стул едва-едва дышит: будто луч луны сел на него отдохнуть.

Открываю окно, голова моя вдруг словно падает в свежий воздух; он такой прохладный, что кожа на лице затрепетала от возбуждения, и губы мои стали чуткими, будто даже насторожились. Дорога влажно сереет — узенькая песчаная дорога в маленьком украинском селе, которое раскинулось на буграх возле леса, в селе, которое затерялось среди бескрайних степей, затерявшись на земле и пылинкой вертится в необозримом пространстве. Кто первый прошел по нехоженой степи, приняв молодую траву и напугав диких сайгаков?

Дорога — словно читка, которая разматывается, и конца ей не видно ни в прошлом, ни в будущем. Сейчас отдает пылью, прибитой росою, густым духом лопухов с обочин, пожелтелой лебедой, щирицей, засохшими коровьими кизяками. А у обочин этой дороги стоят хаты, в хатах спят люди, им снится их жизнь, снится смерть, снятся куры или свиньи, а то даже ветер из леса приснится, или страх, беда, привидения всякие, — мало ли что может присниться здоровому человеку. Как на земле, так и в земле лежат их предки, лежат пращуры, которые тоже спят, но спят уже сном земли, воды, песка, и им снится то, что снится воде или песку, а потому сны их отгадать никто не может. Их тела превратились в прах, но мысли, желание счастья, и то, малоуловимое в выражениях лиц, что можно только почувствовать, а выразить словами — невозможно, все это не умерло, все это живет, и эту веру нельзя не исповедать, пока сереет сквозь село эта немая, молчаливая дорога.

Днем идешь по той дороге, на которую смотрел сквозь открытое окно. Идет от нее тяжелое дыхание нагретой солнцем пыли, она будто притихла и побледнела, уже не возбуждает тех чувств, что ночью, возникают перед глазами те картины, каждая из которых словно вырезанная на дубовой доске.

* Печатается в сокращении.

Петро КОСТЮЧЕНКО

ПОСЛЕДНИЕ КАТЕРА

(Новелла)

Я ЛЕЖУ под звездами, под большущими южными звездами. Овечьими дрожащими глазами они заглядывают мне в душу и сеют белое отчаяние тумана на горы и море.

Я одинокий.

Мне жаль себя. Я сам на этом черном, перепутанном колючей проволокой, свете. Одинокий, как те спелые, сочные, но холодные звезды, хотя их так много.

Я плачу.

Теплые капельки сиротства катятся по щекам, смачивают мое исхудалое лицо и собираются крупинками соли в уголках губ.

От тех слез не так болит нога.

Обжигающим кипятком течет кровь в моих жилах, а пальцы просто отрываются. Я уже не чувствую их. А может быть, это от того, что Шалайда подложил мне ящик из-под мин.

Моя нога, как ствол миномета, смотрит в небо и вот-вот ударит огнем по немецким окопам. Кровь вышивает на бинтах узоры печали, и я размазываю ту печаль потной, запыленной бескозыркой по щекам и подбородку.

Никто ко мне не подходит. Невыносимо хочется пить. Время от времени в окопе перекрикиваются бойцы. В разведенном молоке звездного тумана то тут, то там загораются огоньки цигарок. Кто-то кашляет. Кто-то, выругавшись, выбросил из окна пустую консервную банку, и она заскулила, словно собачонка.

В ноге бухает двадцатитонный горячий пресс, тот, которым валы куют — «формирует ткань», как говорит фельдшер.

Бухта — как зеркало. Наши и немецкие ракеты освещают ее, любуясь, будто светелкой в бархатной ночной глади.

Одиночные автоматные очереди трассирующих пуль вычерчивают на черном небе химеричные дуги, доказывая какую-то теорему Пифагора.

О, мудрый старец в лавровом венке на голове! Возможно, ты с большой когорты древних первым сказал, что земля круглая.

Верно, круглая.

В том-то и беда людей.

Может, если бы она была нескончаемой равниной, люди нашли бы себе уголок, где бомбы не путали бы солнечных лучей и не падали на головы.

Может, в том уголке лежал бы и я. Умытое от пороха и гари солнце грело бы мою ногу и ткало молодые клетки...

Надо мною склоняется чье-то лицо. Прет спиртом.

— Пацан! Что, нюни распустил?..

Это — Брехов, наш старшина

Я молчу.

Брехов сунул руку в карман, наскреб горсть махры и сделал цигарку. Прикурив, ткнул мне в губы.

— На, покури, легче станет...

Я закашливаюсь. Дым горьким клубком скапливается в моем горле.

— Титьку тебе сосать, а не воевать... Салага!

Учуяв кашель, ко мне спешит Шалайда — мой друг.

— Замерз? — спрашивает он и подталкивает бод бока куцые полы бушлата. Потом выхватывает цигарку с моего рта и выбрасывает.

— Гришка, скотина, отстань от хлопца! — со злостью кричит на Брехова.

Горячий пепел припекает мне шею. Я вскрикиваю.

Старшина гремит по камням подковами, поднимает цигарку и несколько раз подряд жадно затягивается.

— Понабирают шмаркачей и воюй с ними!.. — бубнит в темноте Брехов и отпускает отборное ругательство.

Я еще не научился так.

Горячего Шалайду как взрывом подбросило:

— Ты, гад, воюешь?.. Ты с ним в атаку ходил? Дракон!.. — Трясет Гришку за грудь.

— Вот не придут катера, — сычит старшина, — придется звериными тропами выходить из окружения. Ты его будешь тащить по горам?.. Ты понесешь через перевал?..

— Замолчи!..

Внизу, по направлению к морю, покатились камни, высекая искры. Я всхлипываю.

Став на колени, Шалайда утирает мне слезы.

— Потерпи немножко. У меня под камнями фляга зарыта.. Я тебе сейчас холодненькой...— и исчезает.

Опять я один.

Навстречу ракетам с неба падают звезды, оставляя ясные хвосты. Я нахожу большую, спелую, как груша в саду бабушки, звезду и загадываю: придут ли корабли, останусь ли жив?

Звезда не падает. Хорошо...

Раздвигая темень, приближается Шалайда, за ним еще несколько бойцов.

— Пей!

Я не спешу глотать, и живая прохлада течет мне за ворот.

— Мы решили тебя, Сергей, занести в блиндаж. Потому что, когда придет транспорт и фриц поднимет стрельбу..., то чего доброго... Взяли, ребята!

— Не надо!..

Летит куда-то ящик. Четыре сильные руки поднимают меня, и я уже плыву между небом и землей.

— Освежился немного и хватит...

В блиндаже есть еще раненые. Тяжелый дух, смешанный с кровью, ударяет в нос, бухает в виски. Меня ложат недалеко от выхода.

— Поспи немного, потому что кто его знает, какой завтра день выпадет, — говорит Шалайда и дует на коптилку. Его богатырская фигура на мгновение заслонила выход, расворилась среди звезд и ракет.

Кто-то тяжело стонет, кто-то скрипит зубами, словно хочет перекусить цепи темноты. Кто-то возится в дальнем углу, а мне кажется, что там, как живое существо, движется земля. Стены дышат: то приближаются одна к другой, то удаляются. Я мигаю глазами. Все равно темно: закроешь глаза, или откроешь. Только почему-то теплее становится, если закроешь. Боль в ноге унимается. Я уже не могу раскрыть веки, только слышу, как бухают тяжеленные толкачи в нашей мельнице. Хочется мне забежать в мельницу и посмотреть. Но я не иду. Знаю хорошо, Андрей — старший сын мельника дядьки Оксента — сыпанет мукой в лицо или сдерет картузик, набьет его отсевками и натянет мне на голову. А мама вечером станет расчесывать мои белые кудри и будет ругаться. Поэтому я направляюсь к запруде. Там на бархатной траве лежат длинные белые дорожки полотна, которое отбеливает мама. Так хочется побегать по тем дорожкам, но рядом всевидящая дубинка...

Вот чудо! Небо возле речки играет цветистыми кромками. Солдаты и матросы нашего батальона держат одну, самую большую кромку за концы, высоко подняв руки вверх. Она колышется, пленительно вливаемся в остатки батальона, который, вытянувшись длинной-предлинной обмоткой, спускается с гор. Узлом на той обмотке колышатся и мои носилки. Колышатся между камнями и звездами, не быстрых волнах радости. Раненая нога белеет в темноте большой куклой, похожая на ту, какую моя сестра делала из платка и ольхового полена.

Рядом, лязгая автоматом и что-то говоря шагает мой друг Сашка Шалайда.

Далеко внизу, притаившись, ждут нас катера.

Михаил ЧЕБОДАЕВ

Черная гора

1.

ОЗАРИЛА ярче антрацита
Ты своею жизнью жизнь мою,
И душа моя тебе открыта:
Я тебя пою.
По душе мне страсть твоя к работе,
Труд, бессонный — мой надежный друг,—
Посвящен ему, в конечном счете,
Сердца каждый стук.
Ты гордишься силой молодецкой,
Как известно стало мне сейчас,
Потому что был знаком мне с детства
Лишь Кузнецк, Донбасс.
Вот живу твоей заботой ныне,
И навеки стали мне близки
Над твоей звучащею твердыней
Сильные гудки.

2.

МОТОЦИКЛ на холм взлетел, как буря,
И в комбинезоне паренек,
Будто всадник на большом аллюре,
Выпрямился, строен и высок.
Шевелюра вороного цвета,
Острый взгляд с усмешкой огневой;
Знать, ему по нраву дело это —
Мчаться ветром, видно, не впервой!
Угольная пыль, росинки пота,
Темный незатейливый наряд
Людям говорят:
«Гадать чего там!
Я — шахтер!» —
прохожим говорят.

3.

ДРУГ МОЙ — мастер угольного дела,
Вдалеке закончил институт,
Возвратился, чтобы взяться смело
За привычный с малолетства труд.
В память врезались черты живые:
Общежития незабвенный кров,
На студентах — сумки полевые,
Лекции седых профессоров,
И Москва-река, и гул машинный,
И друзей распевный разговор,
И домов заоблачных вершины,
Будто кряжи вечно снежных гор.
А курантов бой на Спасской башне!
Проверяет он часы по ним...
Инженер, он с думой о вчерашнем
К штрекам направляется родным.
Пусть иной глядит с усмешкой даже,
Дескать — молод,
но придет тот час:
Он в труде себя еще покажет
И уменьем поразит всех нас.